

БОЛЬШЕВИК

БОЛЬШЕВИК

ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

№ 13-14 31 июля 1934 г.

Адрес редакции:
Москва, ул. Горького, 43
Тел. 1-21-15. Кремль 3-93**СОДЕРЖАНИЕ**

Переделовая. — К 20-летию мировой империалистической войны	1	О ПРОШЛОЙ И БУДУЩЕЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ	
В. Кнорин. — Международное рабочее движение в эпоху 1914—1934 гг.	9	С. Дашинский. — Рост вооружений за 20 лет. 110	
Г. Зиновьев. — Большеви́зм и война	32	Империалистическая война и империалистический мир	119
А. Бадрев. — Двадцать лет назад	67	Список войн	122
А. Ерусалимский. — Тайна, в которой война рождается	70		
ИЗ МАТЕРИАЛОВ ИНСТИТУТА МАРСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА		ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ	
Ф. Энгельс. — Письмо к Иоанн Надежде	84	Г. Войтинский. — Об органе японской зубатовщины	125
И. Ленин. — Из материалов об империализме и мировой империалистической войне	96	Е. Жуков. — Японские теории империалистических захватов	129
Б. Таль. — К ленинским материалам	98	Гр. — К вопросу об иностранной политике германского фашизма	139
ИЗ АРХИВОВ К. ЛИБКНЕХТА И К. ЦЕТКИН		ПРИТКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
К. Цеткин. — Письмо к К. Либкнехту	104	М. Герцбах. — Гибалтика — ближайши. обект германской экспансии	145
К. Либкнехт. — Письмо к К. Цеткин	107	Ф. Ротштейн. — Ллойд-Джордж и война	149
		Д. П. — Торговцы смертью	157

К 20-летию мировой империалистической ВОЙНЫ

В двадцатую годовщину мировой войны, которая представляет собой поворотный пункт в истории человечества, не приходится уже доказывать, что эта война не была только историческим эпизодом, а была результатом глубочайших противоречий, созданных капитализмом и углубленных монополистической фазой его развития. Простой факт, что империалистический мир ныне стоит перед растущей опасностью новой мировой войны, говорит о глубоких причинах, вызвавших войну 1914—1918 гг.

Мировая война 1914—1918 гг. родилась в борьбе старой колониальной и империалистской Британии с молодой, полной сил и задора, капиталистической Германией, которая, явившись поздно на империалистскую арену, должна была поставить вопрос о переделе мира. Это противоречие стало решающим потому, что Соединенные штаты Америки еще не были главным конкурентом Англии. США были далеко, они только начали развивать экспорт капитала, создавать флот; Германия, будучи близким соседом Англии, бешеным темпом увеличивала свои вооружения и создавала флот, способный уничтожить английские позиции.

Географическое расположение Германии в центре Европы позволяло ей протягивать руки не только на запад, но и на восток, и юго-восток, угрожая подчинением себе не только Австро-Венгрии, Бал-

канских стран и Турции, но и российского царизма—«колосса на глиняных ногах». Предвоенная империалистская Германия угрожала таким образом созданием величайшей империи, способной оспаривать все колониальное могущество Англии. Германская опасность превалировала тогда в глазах Англии англо-русские и англо-французские противоречия. Разбитый на Дальнем Востоке царизм в своем стремлении подчинить себе Турцию и Балканы тоже наталкивался на Германию. Франция видела опасность потери восточного союзника под давлением Германии и опасность того, что Германия подчинит себе Бельгию, окружив ее с севера. К тому же во Франции жили надежды на реванш за 1870—1871 г.

Так родилась мировая война 1914—1918 гг., вызванная стремлением молодого германского империализма к переделу мира и защитой status quo со стороны старых империалистских держав. Об эти простые факты разбивается впрах социал-патриотическая легенда о Германии, будто бы в мировой войне защищавшей свои законные права. В действительности Германия защищала свои права на колониальный грабеж и эксплуатацию добавочных сотен миллионов угнетенных народных масс колоний. Но об эти факты разбивается и антантовская легенда о «справедливой» войне старых демократических держав против «германского милитаризма». Старые империалистские державы защищали старый грабеж, «освященный» несколькими десятилетиями истории. Обе стороны боролись за продление жизни прогнившей империалистской системы.

Заставив десятки миллионов людей сражаться за рабовладельческие интересы, мировой империализм пытался представить эту войну как «последнюю войну», которая создаст условия для прочного мира между народами, для подъема благосостояния народных масс. Война уничтожила десятки миллионов людей на европейском континенте, разорила народные массы, до небывалых размеров усилила элементы реакции, присущие империализму.

Прошло двадцать лет. Капитализм не сумел создать условий для преодоления глубоких экономических потрясений, вызванных войной. Он не сумел вернуть то «нормальное» капиталистическое развитие, которое перед войной создавало в отсталых слоях народных масс представление о неизбежности капиталистического строя. В первый период после окончания войны капитализм и его прислужники социал-демократы успокаивали народные массы тем, что дело идет-де о залечивании ран, нанесенных войной, т. е. о временных последствиях войны. С момента так называемой стабилизации капитализма, т. е. с 1924 г., мировая буржуазия и ее прихлебатели успокаивали народные массы тем, что кризис капитализма уже кончился, что начался период нового и постоянного подъема мирового капиталистического хозяйства.

27 июля 1928 г. американский президент Гувер заявил: «Современные перспективы мира—это перспективы величайшей в истории экономической экспансии». 11 августа того же года он заявил: «Мы в Америке сегодня ближе к окончательному триумфу над бедностью чем какая бы то ни была страна когда бы то ни было в истории. Лачуги бедняков исчезают. Мы еще не у цели, но на основе политики последних восьми лет мы с божьей помощью быстро приближаемся к тому дню, когда исчезнет бедность». Вождь английской «рабочей» партии Сноуден писал о новой эре развития электрической и химической промышленности, которая даст капиталистической системе «новый долгий период могущественного развития» («Дейли геральд» от

17 апреля 1926 г.). То же пели и все другие представители II интернационала.

Теперь британское правительство, правительство самой крупной капиталистической державы Европы, заявляет в своей ноте, обращенной к США по вопросу о долгах, что «стабилизация оказалась фальшивой и иллюзорной стабилизацией», что «процветание в период с 1923 по 1929 г. было в значительной мере иллюзорным и посеяло семена будущих затруднений». Господин Ллойд-Джордж, в то время английский премьер, сделавший больше чем другие буржуазные политики для прославления мировой войны 1914—1918 гг. как «последней» войны, войны, которая, разрушая многое, построит «дома, достойные героев»,—теперь Ллойд-Джордж (в речи в Кембридже, апрель 1933 г.) был принужден сделать одно из самых важных признаний. «Если бы мы даже не имели великой войны»,—сказал он,—если бы дела пошли обыкновенным ходом, мы бы все-таки—я в этом уверен—раньше или позже оказались бы в положении, напоминающем современный хаос. Повидимому, в современной экономической системе заложено что-то в основе неправильное, ибо богатство рождает бедность».

«Сова Минервы вылетает в сумерки», и в сумерках капитализма более дальновидные его представители начинают предчувствовать, что дело идет к концу. Ллойд-Джордж прав, говоря, что даже если бы капитализму удалось избежать войны 1914—1918 гг., то он все-таки неминуемо привел бы человечество к хаосу. Но к этому хаосу относится неминуемо и империалистская война, вооруженная свалка империалистских держав, борющихся за продление своей жизни. Английский либерал Кейнс, прославившийся во всем мире книгой против Версальского договора, свидетельствует в своей работе «Средства процветания», изданной в 1933 г.: «Циники... делают вывод, что ничто, кроме войны, не может вывести из такого кризиса». Американский финансовый журнал «Анналист» писал 17 марта 1933 г.: «Нельзя не признать, что налицо большая возможность европейской войны в ближайшем будущем. Взрыв войны 1914 г. спас нас от экономической депрессии. Было бы интересным повторение функций войны, если бы новая война принесла нам индустриальное спасение».

Таковы современные «мечты» вождей мировой финансовой олигархии.

Да, противоречия монополистического капитализма, родившие мировую войну 1914—1918 гг., не только не ослабели, но усилились в послевоенный период. Усилилась власть капиталистических монополий. Вместе с тем увеличились противоречия монополии в мировом масштабе. Мировая буржуазия в состоянии добиться лишь очень кратковременных соглашений в своей валютной, финансовой и экономической борьбе за господство над миром. После каждого такого соглашения происходит еще более острый взрыв противоречий. В результате валютного хаоса первых послевоенных лет руководящие империалистские державы заключили соглашение для спасения более слабых стран от пролетарской революции. Таково соглашение 1924—1925 г., когда Соединенные штаты, Великобритания, Голландия предоставили займы для спасения валют более слабых стран Европы, потрясенных революцией.

Мир переживает теперь войну всех против всех и на валютном рынке. Торговая политика представляет теперь поднимающиеся к небесам таможенные стены. Последняя держава, сохранявшая режим свободной торговли,—Великобритания, тоже перешла к протекционизму. Идет бешеная таможенная война, война не только при помощи высо-

ких тарифов, но и при помощи лицензий, квот. Всякая тонна товаров и всякая тысяча рублей ценностей, передвигаемые из одной страны в другую, являются предметом ожесточенной борьбы. Международный кредит как процесс передвижения капиталов из более богатых стран в отсталые почти прекратился. Остались только разбой, грабеж, поддержка империализмом наиболее реакционных, феодальных кланов для создания оплота против восстающих народных масс. В клочьях разорвано вашингтонское соглашение, от Версальского мира остались только территориальные решения.

Но вооружения побитых в 1918 г. держав и держав, не удовлетворенных Версальским миром, показывают, что и эти остатки Версальского мира находятся под знаком вопроса. Японский империализм, подстегиваемый приближающейся революцией, начал на Дальнем Востоке борьбу за свою гегемонию на азиатском континенте. В центре Европы германский фашизм подготавливает войну, заковывая рабочий класс в кандалы и бешено довооружаясь.

Ныне, в двадцатую годовщину первой мировой империалистской войны, капиталистический мир содрогается до самых основ своих.

Тезис большевиков, тезис Ленина, гласящий, что только пролетарская революция может спасти мир от новой войны, подтвердился полностью. Но пролетарская революция победила пока только в одной стране: страна царизма стала страной победоносного пролетариата, стала страной строящегося социализма. Во всем остальном мире господствует еще капитализм. Поэтому угроза новой мировой войны тяжелой тучей нависла над человечеством. С мощной вышки пролетарское государство следит за приближающейся военной грозой. Борясь всеми силами против опасности войны, принимая все меры для защиты Страны советов, мы должны дать себе отчет, в чем разница обстановки, в которой может возникнуть ныне новая война, по сравнению с обстановкой 1914—1918 гг.

Если монополистический капитализм перед войной 1914—1918 гг. находился еще на поднимающейся кривой, если предвоенный империализм, представляя уже начало загнивания империалистской системы, скрывал его под непрерывным ростом промышленности и загнивание выражалось тогда в первую очередь в паразитизме, в отставании сельского хозяйства, в жесточайшей сверхэксплуатации трудящегося человечества в пользу маленькой группы рантье,—то теперь это загнивание стало центральной чертой развития империализма. Такой дани, какую теперь мир уплачивает паразитическим слоям рантье при одновременно растущей нужде и пауперизации народных масс, история никогда не знала. Загнивание империализма приняло ныне уже формы выключения из экономического развития целых стран, попросту приговоренных гнить на корню. В таком состоянии находятся весь юго-восток Европы и почти вся Азия (Япония — на особом положении). Империализм кричит о суживающихся рынках сбыта, но боится инвестировать в этих странах капитал, необходимый для их развития и эксплуатации. Загнивание сельского хозяйства во всех странах приняло ярчайший характер. Современная промышленная техника создала мощные средства индустриализации сельского хозяйства: трактор и комбайн, но капитализм не в состоянии реализовать назревшую промышленную революцию сельского хозяйства. Крестьянство не может купить средства производства, созданные промышленностью, не попадая в полную кабалу к финансовому капиталу. Но даже если бы оно пошло в эту кабалу, оно не может применить средства производства, несовместимые с карликовыми размерами крестьянского хозяйства. Это порождает деградацию сельского хозяйства во всех

капиталистических странах, пауперизацию крестьянства, бегство крестьян в город, где их не ждет ничего, кроме безработицы и нужды. В промышленности загнивание приняло размеры, которых не могли себе представить еще несколько лет назад даже люди, обладающие исключительной фантазией. В технике налицо сдвиги, приведшие к грани новой технической революции; но капитализм не в состоянии провести эту революцию в жизнь. Он не в состоянии осуществить переход к автоматической фабрике, хотя основы для этого созданы развитием электричества, ибо такой переход сделал бы ненужной основную массу пролетариата и привел бы к такому положению, когда восстание стало бы для этой массы просто физической необходимостью. Капитализм не в состоянии завершить победу синтетической химии, ибо он и без того погибает от избытка товаров при наличии нищеты народных масс. Капитализм настолько стал помехой развитию техники, что он отдает себе в этом ясный отчет, крича о «вреде» современной техники. Но в то же время капитализм не может и остановить этого развития, ибо если хоть одной группе капиталистов техника дает возможность нажиться за счет других групп, то эта группа отбрасывает все соображения общекapиталистического интереса и применяет необходимые технические усовершенствования. В период глубочайшего кризиса, выключившего во многих странах половину, а то и две трети производительных сил промышленности, руководящие капиталистические группы беспощадно проводили так называемую рационализацию, выбрасывая из производственной жизни не только миллионы рабочих, которые не найдут себе места в промышленности и в случае окончания кризиса, но выключали и целые отрасли промышленности, стоящие на уровне современной техники, оказавшиеся ненужными и долженствующие очистить рынки сбыта для своих конкурентов. Раньше капитализм искал выхода из кризиса за счет отсталых своих звеньев. Теперь он замораживает совершенно годные для жизни звенья только потому, что в жизни для них места нет.

В этом первое различие между нынешней обстановкой и обстановкой 20 лет назад.

Второе различие в обстановке состоит в том, что, вступая в мировую войну 1914—1918 гг., капитализм имел в тылу отсталые страны: Россию, Китай, Индию, представлявшие громадный экономический и человеческий резерв. Теперь нет больше царской России.

Есть Союз советских социалистических республик, который построил фундамент социализма, убедительно доказал пролетариату всего мира проведением в жизнь первой пятилетки преимущество социалистической системы. СССР во второй пятилетке достраивает здание социалистического общества, уничтожив основные эксплуататорские классы, промышленную, финансовую и торговую буржуазию, в основном ликвидировав как класс кулачество—главный политический резерв буржуазии и капитализма в пределах СССР. Пролетариат при помощи созданной им промышленности начал переделывать крестьянство в работников, строящих социализм на основе коллективизации. Таким образом глубочайшему загниванию капитализма противопоставляется рост социалистического общества на громадном пространстве государства, имеющего все материальные средства для этой постройки.

Третье различие состоит, таким образом, в том, что капиталистический мир, вступая в новую империалистскую войну, будет иметь в тылу могущественную державу—социалистическую Страну советов. Капиталистический мир не является уже единственно существ-

вующим строем, по которому должен был равняться колониальный мир. Ему противостоит социалистический мир. Мало того: возникновение громадной пролетарской державы, опирающейся на громадную промышленность, ею созданную, на лучшую армию в мире, на десятки миллионов людей, объединенных стремлением к бесклассовому обществу, вызывает в империалистских державах чувство глубочайшей тревоги. Это чувство толкает ряд империалистских держав на попытки уничтожения и расчленения СССР. Но так как капиталистические державы оказались неспособными придти к соглашению по какому бы то ни было крупному вопросу, то им труднее всего добиться сделки насчет такого грандиозного «объекта», как СССР, тем более, что СССР отнюдь не намерен быть «объектом» империалистской политики и всякому, кто попытается на него напасть, ответит всем своим могуществом.

Советский союз стал величайшей мировой силой, направленной против империализма. Этот факт путает все карты мирового империализма.

Четвертое различие обстановки состоит в том, что пролетарская революция, победившая пока что только в СССР, подорвала веру народных масс всего мира в капитализм как единственно возможный общественный порядок. Можно с уверенностью сказать, что немного осталось теперь промышленных рабочих, которые верят в капитализм. Для тех рабочих, которые не стали еще под знамя пролетарской революции, характерно не столько доверие к капитализму, сколько неверие в собственные силы, недоверие к возможности победы над капитализмом, боязнь тяжелых жертв, связанных с пролетарской революцией. Эти отсталые массы, руководимые шарлатанами из II интернационала, углубляющими их неверие в собственные силы, проповедующими им политику примирения с судьбой, политику «меньшего зла», не являются уже достаточно массовой базой, могущей выдержать испытание военных потрясений. В мировую войну основной морально-политической силой, которая позволила международной буржуазии выдержать это испытание и избежать пролетарской революции, была вера народных масс в то, что после войны наступит период долгого мира, период роста демократии и социальных реформ. Проводниками этой веры в рабочие массы были социал-демократические профсоюзы и II интернационал, являвшийся тогда единственно признанной организацией рабочего класса. II интернационал спас после войны мировую буржуазию от опасности победы пролетарской революции. II интернационал еще не исчез и теперь, но в целом ряде стран он разбит наголову, ибо народные массы разуверились в его программе и стали покидать его ряды. Возникновение таких массовых коммунистических партий, как германская и польская, является лучшим доказательством этого. Какими бы преследованиями ни обрушивался империализм на компартии, он может только на время скрыть тот факт, что компартии подходят уже к завоеванию большинства рабочего класса. Но капитализм не может этого факта уничтожить. В других странах партии II интернационала, еще ведущие за собой большинство рабочего класса, уже не в состоянии внушить им доверие к своему пути. Во Франции, в Англии они представляют по существу «новые» либеральные мелкобуржуазные партии в период банкротства старых либеральных партий. Не имея творческой программы, они не в состоянии выдержать серьезных политических потрясений. Во всех этих странах коммунистические партии, разные по своим размерам, по радиусу своего действия, являются массовыми организациями, которые при больших исторических потрясениях ста-

нут стержнем революционного движения пролетариата. Капиталистический мир колеблется между переоценкой уже достигнутой Коминтерном силы, делая Коминтерн ответственным за все и всякие революционные события в мире, и между недооценкой этой силы. Правда же состоит в том, что Коммунистический интернационал является ныне не только штабом мировой революции, но во многих странах его, кадры уже представляют могучую армию мировой революции.

Пятое различие состоит в том, что в период мировой войны в колониальных странах налицо было только начало национально-реформистского движения, стремившегося к завоеванию условий для сотрудничества с мировой буржуазией. Национал-реформизм после войны отцвел, не успев расцвести. Политика империализма превратила национал-реформистское движение в движение реакционное, представляющее блок империализма и паразитических слоев колоний. Но этим национал-реформизм ускорил вызревание рабоче-крестьянской революции в колониальных странах и возглавление ее коммунистическими партиями. Этот процесс достиг в разных странах разной степени зрелости. В то время как в Индии только кристаллизуются и объединяются элементы массовой коммунистической партии, в Китае, прошедшем через неизбежную фазу блока с национал-реформистской буржуазией, прошедшем через горнило испытаний в период предательства Гоминдана, коммунистическая партия стала массовой партией. Она ведет за собой рабочих и крестьян значительной части Китая, она создала советские районы, возглавляет китайскую красную армию. Колониальные страны перестали быть верным резервом империализма.

Шестое различие в обстановке — это банкротство буржуазной демократии во всей Восточной, Юговосточной и Центральной Европе, победа фашизма в этих странах, нарастание фашистских тенденций во всех капиталистических странах. Этот факт вырывает из рук мировой буржуазии могучее орудие воздействия на народные массы. Надежды наиболее реакционных кругов мировой буржуазии на то, что фашизм не только усилит ее средства нажима на народные массы, но и поможет буржуазии взамен обанкротившихся социал-демократических иллюзий посеять в массах новые, непроверенные еще фашистские иллюзии, — эта надежда уже подорвана историческим развитием. Все следящие за развитием положения в Италии видят, что фашизму не удалось завоевать рабочий класс и трудящееся крестьянство. В Германии события 30 июня 1934 г. показали, что при остроте классовых противоречий фашизм после 17 месяцев пребывания у власти принужден сам начать разрушение своей массовой мелкобуржуазной базы.

Новая мировая война неминуемо вооружит народные массы. Все мечты фашистов о том, что им удастся создать «малые армии», вооруженные всеми чудесами современной техники, состоящие из чисто буржуазных элементов, противоречат условиям, в которых мировая буржуазия будет принуждена вести войну. Такие армии не были бы в состоянии решить исход войны, и буржуазии неминуемо придется вооружить рабочих, крестьян и пролетаризованную городскую мелкую буржуазию. Настроения этих масс неминуемо приведут к перерастанию империалистской войны в гражданскую. Если мировая буржуазия эту войну развяжет, она приведет к победе социалистической революции по крайней мере в ряде стран. Страх перед революцией является главной причиной того, что мировая буржуазия еще не решилась бросить жребий.

* * *

Советский союз, рожденный в борьбе за мир, ведет эту борьбу с растущей энергией, с непоколебимой силой. Сейчас, в день двадцатилетия мировой войны, СССР на глазах всего человечества стоит в центре борьбы против военной опасности. Капиталистический мир и сикофанты буржуазии из лагеря II интернационала кричат о «противоречии» между убеждением коммунистов в том, что новая-империалистская война породит революцию, и мирной политикой Советского союза. Но это «противоречие» существует только для тех, для кого вся история рабочего движения является книгой за семью печатями.

Мировая война неминуемо приведет к новой волне мировой революции; но коммунисты сумеют возглавить и довести до победоносного конца новую волну революции, только беззаветно борясь против опасности новой войны, угрожающей смертью десяткам миллионов, уничтожением громаднейших материальных богатств. Советский союз доказал уже, что он может построить социализм. Возможность победы социализма в одной стране из гениальной теории Ленина, разработанной, углубленной Сталиным, превратилась под руководством Сталина в практическую действительность, в реальный факт, проверенный не только грандиозным строительством нашей промышленности, но и победой колхозов. Война может только оттянуть на защиту страны громадное количество материальных сил и средств, необходимых для постройки социализма, но она не может помешать нам достроить социализм. «Но, — заявляют нам социал-демократы, — ведь, по-вашему, война приблизит победу революции в других странах». «Да, это несомненно, — отвечают коммунисты, — но мир и ускорение достройки социализма в СССР ускорят революцию более экономным для нашего класса путем». Советскому союзу война ненужна ни с какой точки зрения: ни с точки зрения строительства социализма в СССР, ни с точки зрения мировой социалистической революции. Война нужна только капитализму, и поэтому Советский союз с такой энергией, с такой решительностью борется против военной опасности.

Ведя борьбу против военной опасности, коммунисты всех стран должны знать, что нет никакой иной гарантии против военной опасности, кроме победы пролетарской революции. Никакие дипломатические договоры, даже те, которые заключает Советский союз, разумеется, с намерением добросовестно выполнить все взятые на себя обязательства, не могут гарантировать мир, ибо империалистские противоречия, невозможность для капитализма найти выход из своих противоречий могут ежедневно толкнуть всякую империалистскую державу на разрыв того мирного договора, который она вчера с нами подписала. Необходима мобилизация рабочих и крестьян против опасности войны, для того чтобы революционным движением предупредить взрыв империалистских противоречий, для того чтобы в случае невозможности предупреждения войны превратить войну империалистскую в войну гражданскую.

Советский союз прекрасно отдаст себе отчет в империалистских целях в с е х империалистских держав: все они направлены против интересов трудящихся. Но Советский союз не может не считать врагами те капиталистические державы, которые хотят ускорить военную развязку, которые спешат обрушиться огнем и мечом на народные массы. Против них Советский союз мобилизует силы других держав, заключая региональные пакты. Отказ определенной державы от подобного регионального пакта означает ее собственное признание в том, что она стремится решать спорные вопросы вооруженной си-

лой. И Советский союз не скрывает, что такое заявление дает ему право идти на известное соглашение с противниками той державы, которая подготавливает нападение на СССР — отечество международного пролетариата. Первый же региональный пакт, предложенный Советским союзом, — это пакт о гарантии мира в Восточной Европе. Советский союз хочет мира со всеми своими соседями, в том числе и с фашистской Германией, несмотря на социальную пропасть, отделяющую Советскую страну от стран фашизма. Те страны, которые отклоняют советские предложения под какими бы то ни было предлогами, тем самым заявляют, что они подготавливают нападение на СССР. Как указывал Ленин во время брестской дискуссии, пролетарское государство может и должно идти на деловое соглашение с любой империалистской державой против того империалистского государства, которое готовит нападение на СССР. Политика советского государства опирается на солидарность трудящихся. Это исключает, разумеется, какие бы то ни было сделки против народных масс других стран. Это исключает сделки, имеющие целью национальное расчленение, экономическое закабаление народных масс других стран. Интересы рабочих всего мира требуют усиления безопасности страны, строящей социализм, требуют поддержки всякого ее шага, имеющего целью изоляцию тех империалистских держав, которые готовят нападение на отечество пролетариата.

Наличие СССР — первого пролетарского государства — в огромной степени усиливает борьбу мирового пролетариата за мир и стремление его, в случае если империализм развяжет новую войну, окончить ее победой социализма. Бернард Шоу в своей речи, произнесенной 11 апреля 1933 г. в Нью-Йорке, высмеивая капиталистический мир, спрашивал: «Для того ли капитализм затеял войну 1914 года, чтобы она кончилась победой Советского союза?» Да, победа Советского союза родилась из мировой войны, но она не упала с небес: она родилась благодаря десятилетиям борьбы большевиков за идеи Маркса и Ленина, против оппортунизма. Мировой империализм готовит ныне новую войну. Пусть он знает, что этим он готовит победу революции в других странах, готовит возникновение новых советских республик. Но пусть пролетариат всего мира знает, что победа эта станет действительностью только тогда, когда рабочие всех стран объединятся под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, под руководством Коминтерна — штаба мировой революции — в борьбе за мир, за защиту страны социализма.

В двадцатую годовщину мировой войны, когда мы оплакиваем десятки миллионов рабочих и крестьян, погибших за дело капитализма, мы призываем пролетариат всего мира не допускать новой империалистской войны, не жалеть никаких жертв для того, чтобы превратить империалистскую войну в войну гражданскую, чтобы привести к победе тот класс, который раз и навсегда покончит со всеми войнами.

Международное рабочее движение в эпоху 1914—1934 гг.

В. Кнорин

Умы трудящихся во всем мире встревожены.

Иллюзии, что капитализм может развиваться без войн и грабежа, без нового передела мира, т. е. перестать быть империализмом, перестать быть капитализмом, выветрились. Бешено, из года в год, растут военные бюджеты и вооружения империалистических государств. Растет военная промышленность, изобретаются новые средства ведения войны, все капиталистическое хозяйство все больше приспособляется для нужд войны. Милитаризируется молодежь, школа. Созданы массовые вспомогательные военные организации. О предстоящей войне говорят министры, ученые, журналисты, писатели, даже социал-демократические вожди. Во всем чувствуется ее непосредственная близость... Перестраиваются правительства: в Японии у власти военная клика; в Германии непосредственной опорой правительства стал рейхсвер; во всех капиталистических странах растет фашизм как форма приспособления государственного аппарата для войны; во всех капиталистических странах правительства принимают все более открыто реакционный, шовинистический, милитаристский характер.

Бешено рыщут по всему миру агенты поджигателей войны (японские адмиралы и принцы, германские Розенберги и Геббельсы), подыскивая союзников и помощников для осуществления своих военных планов, сколачивая военные блоки. О пакте Келлога забыли все. О конференции по разоружению начинают забывать. Военный психоз все больше овладевает широкими слоями буржуазии. Национализм, шовинизм и милитаризм заполняют науку, философию, литературу.

Громадные политические и экономические противоречия, накопившиеся в капиталистическом мире, могут быть разрешены только путем войны. Капиталисты не видят другого выхода из депрессии, кроме войны, кроме переделки карты мира, в частности карты Европы.

Грозный призрак новых десятков миллионов убитых и раненых, призрак крови и невероятных мучений навис над трудящимися массами всего мира.

Все чувствуют, что новая мировая война близка, что начало ее лишь задерживается из-за мирной политики и роста силы СССР, из-за опасения революционных выступлений масс и роста их антивоенного движения, из-за перенапряжения экономики все еще не удовлетворяющей военщину подготовкой хозяйства к войне, из-за противоречий между самими империалистами.

Крах пацифистских мечтаний, бешеная открытая подготовка войны встревожили широчайшие массы трудящихся: их воля и решимость бороться против войны и фашизма растут. Голос коммунистов, непрерывно предупреждавших о неизбежности новых войн и необходимости вести массовую борьбу против войны, находит все более широкий отклик в массах. Растет влияние коммунистических партий, растет популярность лозунгов Коммунистического Интернационала. Ширится влияние комитета борьбы

против войны и фашизма. Ширится кампания антивоенного и антифашистского женского конгресса. Растет популярность **мирной политики СССР**. Мирная политика СССР, коммунизм и массовое антивоенное движение — **единственная надежда** трудящихся **всех стран**.

Доверие к социал-демократии падает, ибо она обманула массы еще раз болтовней о миролюбии буржуазии.

Воспоминания о мировой войне 1914—1918 гг. еще живут в памяти миллионов, в памяти — предательство Вандервельде, Геда, Тома, Гендерсона, Вельса, Шейдемана и других и слабость преданных ими рабочих организаций, в памяти — тяжелые поражения рабочего класса в 1914—1918 гг. Пролетарии не хотят «повторения пройденного».

Измена вождей II интернационала в 1914 г.

Двадцать лет назад накануне войны в Германии, Австрии, Франции происходили значительные экономические забастовки и в последних числах июля и в первых числах августа — стихийные демонстрации рабочих масс против войны. Но II интернационал, его сильнейшие западноевропейские партии, его парламентские фракции, его вожди перешли каждый на сторону своей буржуазии. Массы, верившие своим организациям и вождям, верившие решениям международных конгрессов, оказались без руководства, без ориентации, без организаторов, по существу, без организаций. Шовинистическая, националистическая волна захлестнула слабые голоса пролетарского интернационализма.

«Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости подчинения воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой социал-демократической партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национал-либеральную политику...

Такого же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской социал-демократических партий, которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства», — писал Ленин (Т. XXX, стр. 218) 5—6 сентября 1914 г. И несколькими днями позже Ленин, разбирая выступления итальянских социалистов, добавляет: «Но верно ли, что так уже абсолютно «*incapacità*»? Так ли? *fucilare*? *Heldentod*? и подлая смерть? *in vantaggio di un'altra patria*?». Не всегда! Почин был возможен, был обязателен. Нелегальная пропаганда и гражданская война были бы честнее, были бы обязательнее для социалистов (это пропагандируют русские социалисты)» (Ленин. Т. XXX, стр. 223).

Но Ленин не ограничился констатированием измены вождей II интернационала. Ленин тут же показал всю перспективу послевоенного развития, перспективу усиления шовинизма, фашизма, новых войн, которые неизбежны, если в ходе или в итоге первой империалистической мировой войны власть буржуазии не будет свергнута. Он предвидел, что предательство вождей II интернационала в 1914 г. ведет к новым их предательствам и к новым войнам: «...Утешают себя иллюзией: прекратится война, наладится... Нет!! Чтобы крах современного (1889—1914) Интернационала не был крахом социализма, чтобы массы не отвернулись, чтобы не получилось господства анархизма и синдикализма (так же позорно, (как) во Франции), надо смотреть истине в глаза. Кто бы ни победил, Европе угрожает усиление шовинизма, «реванш» etc. Милитаризм немецкий или великорусский возбуждает контр-шовинизм, etc. etc.» (Ленин. Т. XXX, стр. 223). Победа ведет

¹ Позволять расстреливать? — Ред.

² Геройская смерть. — Ред.

³ Ради чужого отечества?? — Ред.

к реваншу, к новой войне побежденных против победителей, и победа и поражение ведут обязательно к новой волне шовинизма.

«Война представляется, как единое национальное дело,—с одной стороны,—с другой стороны, как ненормальность, нарушение «мирного» капитализма etc.

Обе иллюзии вредны. И обе иллюзии губит война» (Ленин). Капитализм ведет неизбежно к войне, ибо капитализму нужны прибыли, следовательно, рынки, колонии. Чем тяжелее положение капитализма, чем глубже его загнивание, чем острее его кризис, тем в большей мере он ищет выхода в войне. Ибо «Война — «ужасная» вещь? Да. Но она ужасно прибыльна а вещь... Война = ужасно прибыльная вещь = прямой и неизбежный продукт капитализма» (Ленин. Т. XXX, стр. 226—227).

И разве не так происходит, как предвидел Ленин?

Мир идет к новому туру революций и войн, ибо в результате измены вождей II интернационала и перехода их на сторону своей буржуазии пролетариат не воспользовался вызванным первой мировой войной кризисом, чтобы свергнуть власть буржуазии, установить свою власть, уничтожить капитализм.

Переход социал-демократии в 1914 г. на сторону «своей» националистической буржуазии не был случайностью.

Европейское социалистическое движение началось как широкое пролетарское интернациональное движение классовой борьбы против буржуазии. Но империализм и эксплуатация колоний дали буржуазии, в первую очередь английской, возможность подкупать верхушку рабочего класса, создавать привилегированную рабочую аристократию, не думающую уже о свержении буржуазии, а только о реформах. Победа над Францией в 1871 г. дала широкие возможности в этом направлении также германской буржуазии. В ходе развития в ряды рабочего движения все больше начала проникать мелкобуржуазно-националистическая идеология, идеология приспособления к капитализму.

Еще в 1879 г. Маркс и Энгельс в письме А. Бебелю, В. Либкнехту и др. должны были дать весьма резкую характеристику руководству германской социал-демократии:

«В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения... Если новый партийный орган примет направление, отвечающее воззрениям этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор, представляя германскую партию заграницей» («Архив Маркса и Энгельса». Т. I (VI), стр. 155). Всем известны марксова критика Готской программы, многочисленные позднейшие указания Энгельса на проявления оппортунизма в германской социал-демократии. Этот оппортунизм после смерти Маркса и Энгельса уже не находил должного отпора. Социал-демократия постепенно, шаг за шагом, превращаясь в реформистскую партию, капитулировала перед буржуазным национализмом. В Германии этот процесс стал явным уже вскоре после отмены закона против социалистов. Даже такой близко стоящий к социал-демократии буржуазный демократ, как знаменитый писатель Генрих Манн, говорит: «Спор социал-демократии с господствующей властью закончился тем, что она получила свое социальное законодательство и в итоге стала националистической военной партией как и все другие. Она стала тако-

вой по существу при внешней оппозиционности... Она приучилась отдавать преимущество национальному по сравнению с любым социальным требованием. В ее международных выступлениях господствовали неверие и плохая совесть. Если бы это так не было во времена кайзера, тогда получилось бы иначе и с республикой» («Der Hass», стр. 15).

Этот переход социал-демократии на позиции сотрудничества с буржуазией, ее превращение в реформистскую социал-националистическую партию подготовили измену ее вождей в 1914 г., крах II интернационала. Но крах II интернационала был «крах вождей и большинства партий современного интернационала», а не крах социализма. «Не социализм потерпел крах в лице современного европейского Интернационала, а недостаточный социализм, т.е. оппортунизм и реформизм» (Ленин. Т. XXX, стр. 222).

Большевики вместе с небольшой группой европейских социалистов (Либкнехт и др.) спасли социализм в 1914—1918 гг., взяв на себя борьбу против шовинизма и национализма, против империалистической войны. Большевики подняли в 1917 г. на новый уровень борьбу за социализм, свергнув буржуазию и приступив к строительству социалистического общества. Добившись победы социализма в СССР, они показали трудящимся всех стран путь спасения от капиталистического гнета, от новых империалистических войн—через революцию и установление диктатуры пролетариата. Благодаря большевикам пролетариат не потерял, а укрепил свою веру в социализм и в рабочее движение. Но только одна Россия вышла из строя капиталистических держав. Только на территории бывшей России с тех пор положен конец шовинизму и милитаризму, там строится социализм, там процветает пролетарский интернационализм, там теперь СССР—там сердце нового, Коммунистического Интернационала, вокруг которого объединилось все действительно революционное в международном рабочем движении.

Да, крах II интернационала, измена его вождей в 1914 г. привели к крупнейшему поражению рабочего класса. Социал-шовинистическим вождям удалось сорвать борьбу против войны и превратить пролетарские массовые организации, которые создавались десятилетиями классовой борьбы против буржуазии, в орудие срыва классовой борьбы и сотрудничества с буржуазией в интересах ведения войны. Но потерпевший поражение пролетариат Западной Европы вовсе не заснул летаргическим сном во время войны.

Классовая борьба во время войны

В течение четырех лет империалистической войны классовая борьба ни в одной стране не прекращалась. Прямой переход вождей социал-демократии на сторону своих правительств открыл ворота для проникновения националистической, шовинистической волны в рабочий класс. Дискредитация социализма «вождями», ставшими министрами своей же буржуазии, и шовинистический угар ослабили временно силы рабочего движения. Но большевики во главе с Лениным и вместе с ними с конца 1914 г., хотя и не так последовательно, Либкнехт и спартаковцы показывали массам выход, звали их к борьбе. Вопреки вождям-министрам, социал-шовинистским партиям, профсоюзам рабочий класс боролся за свои классовые интересы, против правительств, против войны. Однако в западноевропейских странах правительственный террор военного времени, с одной стороны, измена вождей социал-демократии, с другой стороны, уменьшили размах борьбы, затруднили выступления больших рабочих масс.

В России, где борьбой масс непрерывно за все время войны руководила нелегальная партия большевиков, призывая к превращению империалистической войны в гражданскую, в марте 1917 г. вспыхнула революция и в октябре 1917 г. была установлена диктатура пролетариата.

В Германии, где Либкнехт и спартаковцы вели революционную пропаганду в массах, непрерывно происходили голодные беспорядки, демонстрации женщин, рабочих, мелкие стачки; из них выросла знаменитая первомайская демонстрация 1916 г., на которой выступал Карл Либкнехт, массовая стачка берлинских рабочих в апреле 1917 г., массовая стачка в январе 1918 г. и, наконец, революционная борьба рабочих, солдатских, матросских масс в ноябре 1918 г., которая привела к свержению монархии Гогенцоллернов.

Во Франции, которая не имела своего Либкнехта, происходили многочисленные мелкие стачки, забастовки рабочих военных заводов, уличные демонстрации и, наконец, брожение и восстания в армии летом 1917 и осенью 1918 гг.

Несмотря на шовинистическую волну, несмотря на репрессии, которые ослабили рабочий класс, никому не удалось бы доказать, что накануне и во время войны массы не хотели бороться. После Февральской революции 1917 г. эта борьба масс приняла весьма крупные размеры. Вопреки измене вождей, несмотря на репрессии летом 1917 г. и во французской, как показывает Пуанкаре, и в германской армиях раздавались возгласы: «Долой войну!», «Да здравствует русская революция!»

С марта 1917 г. маяком для трудящихся масс, которые боролись против войны в Западной Европе, стала русская революция. Русская революция была громадной помощью международному рабочему движению. Она поднимала на борьбу ранее пассивных и апатичных, она показывала, как найти путь из нищеты и нужды, она содействовала оформлению оппозиционных групп внутри социал-демократии, порывающих с нею и идущих к Третьему, Коммунистическому Интернационалу.

«Мы накануне революции!» — так оценивали положение во Франции летом 1917 г. виднейшие представители буржуазии.

«Мы накануне революции!» — вторили им представители германской буржуазии.

Но там не было достаточно сильной, признанной, авторитетной, решительной организующей силы, способной возглавить движение масс, не было большевистских партий, поэтому война могла длиться до ноября 1918 г., пока окончательно не развалился германский Западный фронт. Германские и австрийские социал-демократы, в особенности Отто Бауэр, исписали много бумаги, чтобы убедить легковых в том, что нельзя было приступить к экспроприации капиталистов, ибо у границ Германии и Австрии стояла «победоносная французская армия». Победоносная армия! Эту легенду лучше всего разбивают Пуанкаре, Пенлеве, Мальви и другие французские руководящие политики времен войны, показывающие в своих мемуарах и различных опубликованных документах, что французская армия к концу войны уже потеряла свою боеспособность и весьма немного надо было, чтобы она рассыпалась так же, как рассыпались германская и австрийская армия. Те же буржуазные политики Франции так ярко показывают влияние русской революции на французский рабочий класс и французскую армию, что становится ясно: пролетарская революция в Германии вызвала бы в скором времени пролетарскую революцию также и во Франции. «Стег очень озабочен состоянием умов в Париже, забастовками, митингами и демонстрациями, происходившими за последние дни... На этих днях в Дормане солдаты кричали «Да здравствует революция! Долой войну!» Одна рота отказалась выйти из окопов» (Пуанкаре. Т. IX, стр. 147).

«Полки, которым предстоит отправиться на позиции, организуют манифестации, шествия, поют «Интернационал» и кричат: «Мы не пойдём! Не пойдём!» «Полки на участке Суассона собираются, чтобы двинуться на Париж» (из доклада Петена). Так характеризуется положение во Франции уже во второй половине мая 1917 г.

Почему же это движение во Франции не привело к революции?

Конечно, большую роль сыграла победа в войне, но важнейшее значение имели те же причины, по каким в Германии вспыхнувшая в 1918 г. революция потерпела поражение.

Революционный кризис 1918—1920 гг.

Война ослабила буржуазию, сократила для нее возможности подкупа рабочей верхушки, сделала положение масс невыносимым. Брожение масс во Франции стало столь широким, поворот их к революции был так глубок, что все, что было честного в рабочем движении Франции, стало поворачиваться в сторону Коммунистического Интернационала. Но поднимавшиеся на революцию массы во Франции в 1917—1920 гг. не имели еще своего опытного руководителя, своей компартии. Такая партия создавалась только на исходе революционного кризиса в Западной Европе. Пуанкаре, Пенлеве и другим слугам буржуазии удалось одурачить значительные слои пролетариата победой, выпавшей на долю Франции вследствие распада германской армии, заключением Версальского мира, обмануть их фанфарами победы и подчинить на время влиянию буржуазии.

Но в Германии пролетариат поднялся на революцию, массы вышли на улицу. Старый строй развалился. Ничто уже не было в состоянии спасти императорскую Германию, речь могла идти только о попытках спасти власть капитализма путем установления новых форм диктатуры буржуазии. «9 ноября 1918 г. Шейдеман, который уже был императорским министром, провозгласил социальную республику, больше по нужде чем по внутреннему стремлению (как показывает сам Шейдеман в своих мемуарах: исключительно под давлением масс, чтобы массы не перешли к спартаковцам.—Кн.). Большинство социал-демократических вождей хотело бы сохранить, если бы это было возможно, монархию под руководством кайзера, который в последний год войны вдруг принял парламентскую систему. Главную роль здесь играла боязнь громадной ответственности, которая ложилась на них. Для этой ответственности социал-демократия в действительности была совершенно неподготовлена. Не без оснований германскую социал-демократию уже в последние годы перед войной называли зеркалом немецкого милитаризма. Батальоны рабочих масс были организованы в партии и в профсоюзах как нигде в мире. Руководимые бюрократией, которая была, столь же вышколенной, верной и преданной как прусская государственная бюрократия, социал-демократия и свободные профсоюзы были машиной, которая прекрасно действовала в оппозиции и, вероятно, могла быть хорошей школой правительственной ответственности для далекого будущего», — так говорит в течение 15 лет сотрудничавший с социал-демократией буржуазный демократ Георг Бернгард, бывший редактор «Фоссише цейтунг» («Die Deutsche Tragödie. Selbstmord einer Republik», S. 31—32).

Социал-демократии пришлось взять на себя ответственность, пришлось провозгласить республику, «ибо никто не осмеливался начать борьбу за отрекшегося монарха или за идею монархии. Все они исчезли с лица земли и осмелились появиться лишь потом, когда социал-демократия при помощи всех своих сил, но, к сожалению, теряя доверие в массах, в неко-

торой степени восстановила порядок... Никто не должен был бы оспаривать историческую заслугу социал-демократии, которая в момент полной растерянности прежних руководящих политических кругов и большинства германской буржуазии спасла Германию» (Г. Бернгард, там же, стр. 40).

Социал-демократия спасла германский капитализм от революции в 1918 г., это признают все, вплоть до фашистов. Для этой цели она заключила союз с генералитетом и с банками, формировала и разрешала формирование националистических, в будущем фашистских отрядов, в том числе для похода на Прибалтику; с этой целью она расстреляла восставших в январе спартакосцев, руками фашистских отрядов убила Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

Коммунисты еще не были достаточно популярны, как руководители масс. Массы знали уже Либкнехта, но не знали еще компартии, они составляли меньшинство на заводах, на фабриках, они не имели профсоюзов. Поэтому поднявшиеся на революцию пролетарские массы Германии могли быть обмануты социал-демократией, и революция была разбита. Фашистский писатель Эрнст фон-Саломон, участник похода на Прибалтику, участник капповского путча и убийства Ратенау, в своем романе-исповеди «Die Geächteten» («Презренные») так описывает ход событий 6 января 1919 г.:

«Вдруг в воздухе слышится гуденье. Оно спускается сверху и наполняет собой туман, который свисает тяжелыми ключьями. Нет, оно идет не сверху, оно надвигается слева, ширится, полнится и поглощает все шумы улицы, как бы будит и прижимает к стенам домов все шорохи. Унтерофицер делает несколько быстрых шагов и тотчас же возвращается. «Идут!» — говорит он и указывает нам на темный подезд в том месте, где улица делает поворот. Там мы стоим в тени, невидимые, хотя сами все видим. «Смирно!» Унтерофицер смотрит вперед, затем он оборачивается, подходит ко мне, к самому молодому, самому меньшему, — я стою на левом фланге — и говорит почти с угрозой: «Парень, если твое ружье выстрелит прежде, чем я прикажу...» Я говорю: «Нет, господин унтерофицер!» Он мрачно смотрит на меня и затем подходит к середине ряда.

Множество людей вдруг наполняют тихую улицу. Из домов бегут женщины, собираются дети. Извозчики задерживают свои экипажи. Все больше людей, молодых парней, большинство в куртках цвета хаки. На углах улиц уже темно — так много толпится людей. Гуденье сгущается. Обрывок песни — «Интернационал»; со стоном и кряхтеньем проезжает грузовик, на котором широко развешается выгнутое гигантским сводом красное знамя. Мы стоим без дыхания в подезде, не отрывая глаз от площади. Никто не шевелится. Тяжело давит ремень с ручными гранатами. Тяжело навалилось на ногу ружье. Ноги сдвинуты, спина описывает напряженно изогнутую линию, глаза искрятся под шлемом.

Улица черна во всю ширь. Улица сама движется вперед. Кажется, что дома хотят наклониться, разворачивается извилистая лента — медленно, неуловимо, неудержимо: массы, массы, массы.

Над толпой шелкают красные полотнища, звонкий голос вскрикивает: «Да здравствует революция!» Масса ревет: «Ура!» Этот звук подобно звуку органа вырывается из тысячи грудей, сметает туман. Хлопают окна. Ура и ура! Земля дрожит, а толпа катится дальше и дальше. Народ! В мозг врывается мысль о том, что все это означает: это — народ! Это — массы, тысячи, — человек к человеку, тело к телу, голова к голове — тяжесть шагов подчеркивает ритм, и снова идут знамена, они устало склоняются вперед, и среди вооруженных матросов, среди сверкающих штыков реют шиты: «Долой